

В кадре — Бергман № 2

Жанна Пруда, - 1993 - 18 стр. - с. 7

Кем мог вырасти сын великого кинорежиссера?
Только кинорежиссером!

Несколько странно начинать рассказ о взрослом человеке с его родителей? Но в этот раз я поступлю именно так.

...Жила-была эстонская девочка по имени Кяби. Жила она в Шведском королевстве, потому что ее отец — Хейнрих Ларетей — был в конце тридцатых годов послом Эстонской республики в Швеции. После пакта Молотова — Риббентропа его на родине приговорили к смертной казни, а имущество посольства конфисковали — до последней ложки. И начала посольская семья, приученная к королевским приемам, новую жизнь, не имея даже чайника. Бывший Чрезвычайный и Полномочный превратился в садовника. А девочка Кяби, будучи в Швеции иностранкой и не имея возможности поступить в государственную музыкальную академию, занималась музыкой самостоятельно. И стала впоследствии известнейшей в Европе пианисткой, для которой писал музыку сам Стравинский.

...Жил-был шведский мальчик Ингмар, у которого было вполне благополучное детство — без войн и особых трагедий. Но чего-то такого в его благополучном детстве ему не доставало — поэтому всю свою взрослую жизнь он думал об отношениях родителей и детей, и даже снимал об этом фильмы, и стал кинорежиссером с мировым именем. Конечно же, это был Ингмар Бергман.

Сын Кяби Ларетей и Ингмара Бергмана, Даниэль Бергман, молодой режиссер, недавно привез на родину матери — в Эстонию — свой новый фильм «Воскресное дитя». Смешливый, живой, необыкновенно улыбчивый и невероятно энергичный, он сам напоминал воскресное дитя и заставлял аудиторию, которая славится своей сдержанностью, радоваться жизни вместе с ним.

— Скажи, пожалуйста, а тебе никогда не говорили, что ты — нетипичный швед? Ты размахиваешь руками, ты бьешь ногами, ты так эмоционален, что не укладываешься в стереотип ни эстонца, ни шведа.

— Может быть, у меня тогда есть русская кровь?

— Может. А почему, интересно, на встрече со зрителями ты сказал такую фразу: «В Швеции устали от семьи Бергманов»?

— Потому, что фильм «Воскресное дитя», который я снял по сценарию своего отца, — о его собственном детстве. В Швеции это считают слишком частным делом.

— А ты вообще не считаешь, что тебе в жизни крупно повезло? Красивый мужчина высокого роста с голливудской улыбкой, с замечательной фамилией и знаменитыми родителями? Везунчик?

— Я совсем не считаю свою жизнь легкой. Просто я ее люблю — поэтому я и удачлив.

— А не обижает, когда тебя (что естественно!) связывают и сравнивают с Ингмаром Бергманом?

— Это — проблема журналистов и критиков, которые

хотят нас сравнивать. Зрительской аудитории абсолютно все равно. А для режиссера это самое главное.

— Ты говорил, что начал свой путь в кино в 14 лет?

— В 12. Начал осветителем, потом стал техником. Папа и мама тут ни при чем: они же были артистами, постоянно разъезжали, поэтому можно сказать, что я рос без них. Родителями по существу были люди, которые со мной работали, — кинемеханики, техники, осветители. Они меня жизни и учили. А я работал с разными режиссерами на трех-четыре картины в год.

— Говорят, что тебе посчастливилось поработать даже с Андреем Тарковским? Это имя русскому человеку очень дорого.

— Для меня Тарковский тоже много значит. Потому, что он был совершенно неординарным режиссером. У него была очень сильная воля, он заставлял абсолютно всех, с кем работал, верить в свою идею. И если небо было красным, а он говорил, что оно голубое, то все люди верили, что оно действительно голубого цвета.

Фильм «Воскресное дитя» — плавный и тягучий, как музыка. История собственного детства, которую изложил в сценарии Ингмар Бергман, показана глазами ребенка — а значит, все крутится медленно, как шестеренки в часах, все ново — от червяка до мухи, все имеет значение. Молодой кузнец тискает деревянную левку. Кормит грудью младенца раздобревшая от родов крестьянка. Плачет мама, и тихо страдает отец, кутаясь туманным утром. Отец — пастор, поэтому однажды маленький Ингмар с большим любопытством отправляется вместе с ним на отпевание. Совсем молодая и красивая девушка лежит в гробу, как живая. В детстве интересна даже смерть. И всегда силен и бесспорно уважаем отец. Когда начинает нарастать этот лед между отцом и сыном, который к старости одного и зрелости другого образует ледяную глыбу?

Чтобы найти исполнителя главной роли — Хенрика Линдроса, — Даниэль Бергман отсмотрел кинопробы двух тысяч шведских детей. Шестилетнего мальчишку, который все по-

нимал и схватывал на лету, и казался на удивление талантливым и интеллигентным, всегда снимали утром, иначе он устал, а взрослых актеров — вечером. Взрослые ужасно обижались.

— Создать фильм о детстве собственного отца — этот шаг вообще требует большого мужества. Ты не боялся?

— А я вообще очень смелый. Я никогда даже и не пытался сравнивать себя с отцом. Это было бы глупо. Я делал то, что считал нужным. Этот фильм — о моих корнях. И, когда я делал его, я очень много узнал и о себе, и об отце, и о дедушке. Мне стало легче понимать их, а значит, и себя тоже. Для меня была очень интересна сама история, и я бы сделал большую глупость, если бы не взялся за этот сценарий. Но у нас с отцом было строгое разделение труда: он только написал сценарий, а все остальное оставил мне.

— Ты уже знаешь, что будет твоей следующей работой?

— Конечно. Я делаю ее вместе с финским писателем шведского происхождения Кристиером Кильманом. Это история о двух стариках, которые знали друг друга с детства, но 15 лет не виделись. И вот сидят, разговаривают, люди совершенно разных убеждений: один правый, другой левый. Они постоянно борются, и друг друга не очень то любят. Вот они сели, выпили и решили поговорить о женщинах. И в конце концов поняли, что они — зеркальное отражение самих себя. Совершенно, оказалось, одинаковые люди, хотя ненавидят и даже согласны убить друг друга. Когда они это поняли — они были готовы заплакать. Вот такая история.

— Жаль, что россияне ее вряд ли увидят. Ты, кстати, хотел бы, чтобы твои фильмы дошли до России?

— Конечно! Я очень люблю Россию. И когда еще только начинал работать техником, то работал в Москве и в Ялте с режиссером Владимиром Грамматиковым в советско-шведско-английском фильме «Мно, мой Мно». Я не знаю, к сожалению, чем сейчас занимаются Климов, Михалков и Кончаловский, но у меня много друзей в России, и я полюбил эту страну очень быстро.

...Он смог полюбить страну, которая 50 лет назад нечаянно лишила родины его мать и деда. Дед умер, когда Даниэль было одиннадцать, так и не увидев больше родного города. Когда пять лет назад Даниэль Бергман впервые приехал в Эстонию со своей мамой, которая тоже не была здесь с 1940 года, он неслышно сказал на Ратушной площади: «Ну что, дед. Теперь ты можешь показать мне свою Эстонию. Я — здесь».

Может быть, история эстонской крови Даниэля Бергмана тоже когда-нибудь станет фильмом. Она того стоит.

Галина САПОЖНИКОВА.
(Наш соб. корр.).

Таллин.